

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. ТОЛСТОГО И Л.М. ЛЕОНОВА 20-Х ГОДОВ

Батурина Н.В.¹, Петровская Н.Ю.¹

¹*Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск., e-mail: academy@birsk.ru)*

В статье предпринята попытка выявления элементов концепции национальной жизни, установления способов ее художественного воплощения и идейной сути в творчестве А.Н. Толстого, Л.М. Леонова в свете современных трактовок феномена национального в литературоведении. В связи с этим авторы в первую очередь рассматривают воплощение русского национального характера, отечественных нравов и обычаев, особенностей русской жизни, культуры и истории в прозе писателей 20-х годов. В ходе исследования установлены фольклорно-мифологические истоки творчества писателей, доминанты национального бытия и качества человеческих характеров, которые рисуются прозаиками как специфические национальные черты. Проведенный анализ произведений А.Н. Толстого и Л.М. Леонова приводит к выводу, что первоосновой национальной жизни писатели признавали дом, семью, традиции, духовные идеалы. Двигаясь от реалистической конкретики к символической обобщенности, писатели актуализируют те нравственные законы, которыми человек должен руководствоваться в любой исторический период.

Ключевые слова: концепция национальной жизни, русский национальный характер, народные представления, национальный образ мира, художественное пространство, духовные идеалы, земное бытие.

THE NATIONAL LIFE CONCEPT IN THE WORKS OF A.N.TOLSTOY AND L.M. LEONOV OF 1920S

Baturina N.V.¹, Petrovskay N.Y.¹

¹*Birsk branch of Bashkir State University, Birsk, e-mail: academy@birsk.ru*

The article attempts to identify the elements of the concept of national life, to establish ways to artistic expression and ideological essence in the works of A.N.Tolstoy, L.M.Leonov in terms of modern interpretations of the phenomenon of national in literary criticism. In this regard, the authors first considered the embodiment of the Russian national character, local manners and customs, the characteristics of Russian life, culture and history in prose writers of the 1920s. The study revealed folklore and mythological origins of the writers, the dominant national existence and quality of human characters that are drawn by prose writers as specific national features. The survey of works by A.N.Tolstoy and L.M.Leonov in 1920s led to the conclusion that the fundamental principle of national life was recognized as home, family, tradition, spiritual ideals. Going from the realistic specifics to symbolic generalization, the writers foreground the moral laws that man must be guided by both in Soviet times and in any historical period.

Keywords: the concept of national life, the Russian national character, people's beliefs, national image of the world, artistic field, spiritual ideals, earthly existence.

Изучение феномена национального в литературоведении активизировалось в последние два десятилетия. Этническое своеобразие стало восприниматься как безусловная ценность. Расширилась база исследования природы национального в литературе. Наукой рассматриваются такие проблемы, как «этноконфессиональные мотивы», «национальная ментальность», диалог культур (межцивилизационный, межконфессиональный) и т.д. Во многом в новом свете предстают традиционные оппозиции «Восток – Запад», «свой – чужой», рассмотренные в этнокультурном контексте. Все это позволило существенно углубить и расширить представления о феномене национального в художественном тексте.

Русская литература XX века опиралась на традиции классической литературы XIX столетия, в том числе в изображении особенностей жизни русского народа. Национальная самобытность, в которой видели воплощение русского национального характера, отечественных нравов и обычаев, особенностей русской истории, оставалась предметом пристального изучения и художественного изображения. Актуальной задачей современного литературоведения является выявление концепции национальной жизни в прозе писателей XX столетия, установление способов ее художественного воплощения и идейной сути.

Уже первые литературные опыты А.Н. Толстого в сборниках «За синими реками», «Сорочьи сказки» обнаруживали фольклорно-мифологические истоки творчества писателя, демонстрировали его стремление постичь народную мудрость путем проникновения в языковую стихию русской народной жизни. «Менее всего писатель был склонен к рациональному постижению мира, но интуитивное чувство народной жизни, проникновение в саму стихию русского духа было, как правило, безошибочным» [1, с.5]. Подсознательно очерчивая в стихах и сказках доминанты национального бытия, и в дальнейшем творчестве писатель был занят постижением русской действительности и «загадки» русского характера.

Проблемы народной жизни, особенности национального характера всегда были предметом исследования Л.М. Леонова. В процессе творческого поиска писатель опирался на идеалы, мораль и философию народа, отразившиеся в фольклоре. Мифология и фольклор давали прозаику возможность перейти к широким обобщениям, соотнести современные ценности и представления с вечными, общечеловеческими, накопленными веками, а потому самыми ценными и сокровенными. Отдельный, внешне малозначительный эпизод служил формой выражения более общего смысла, актуального всегда, дидактического и морально-этического вывода, скрытого чаще в подтексте. Л.М. Леонов стремился воспроизвести этнически самобытные пласты жизни и сознания народа, где живы древние представления и мифопоэтическая образность. Наиболее ярко мир русской жизни отображен в сказочной диалогии «Бурыга», «Случай с Яковом Пигунком» и в рассказе «Гибель Егорушки» [4].

Л.М. Леонов изображает простые человеческие занятия и радости людей, живущих по законам предков. В рассказе «Гибель Егорушки», созданном в духе беломорских сказаний, показан остров Ньюньюг на Крайнем Севере. Действие происходит в ограниченном пространстве. «В этом рассказе ярко проявляются черты идиллического хронотопа» [7, с.196]. Суровые природные условия, тяжелый и опасный труд рыбака, скромный быт, тихое семейное счастье, ожидание первенца – вот что составляет жизнь главных героев. Трудолюбие, ценимое народом всегда, является одним из основных качеств героев. Герои берегут свой дом, в котором тепло и надежно, завещанный отцом жизненный уклад.

Художник слова показывает, что первоосновой жизни являются дом, семья, традиции, всегда воспеваемые русским народом. Объясняется зарождение жизни в этих местах: «А в ту пору, когда рыхлой земле сырой от роду еще не боле трех дней было, наступил морской Никола нечаянно, землю дозором обходя, на смутную грань моря и суши первозданных и след свой оставил здесь...» [4, с.61]. Далее говорится: «И в том Николином следу вырубил отец Егорушкин хижинку себе двуглазку и сараюшко к ней» [4, с.61]. Просто писатель упоминает о смерти: «Отошел к дедам Егорушкин отец...» [4, с.61]. Л.М. Леонов подчёркивает «...тем самым связь поколений, циклическую повторяемость жизни, её естественный извечный ход. Егорушка продолжает жизненный цикл поколений так, как это делали когда-то его отец, дед, как сделал бы когда-нибудь сын...» [3, с.35].

Мировоззрение рыбака пронизано поэзией языческого мифотворчества. Помора окружают «невеликая ягодка клюковка», «брусничка, клюквина сестричка, матушке морошке сноха», «единая сосна, рослая старуха» [4, с.60]. Растения, деревья автор одушевляет, подчеркивая неразрывную связь человека с природой. Окружающий мир воспринимается людьми на острове, как справедливо заметила А.О. Туева, «через природные образы» [7, 196]. Героям, отправившимся в море, «ветер... песню котенком мурлычет» [4, с.61]. Метафорическая образность используется прозаиком и для описания внешности: «Иринья, вот она: в глазах ее щебечут серые ласковые пичуги, сердце же подобно обители веселых зайчат [4, с.61]. Нравственные нормы закаленных жизнью и природой людей основаны на любви к ближнему, заботе о слабом. Здоровую, хотя и суровую жизнь жестоко разрушает человек, которого Егорушка спас. Монах Агапий пытается внедрить в сознание своего спасителя положения христианского вероучения, истолковываемые им односторонне. Л.М. Леонов отражает сложный, драматический процесс столкновения привычных представлений о человеке, жизни, природе, вере с новыми. Повествование включает в себе глубокий философский смысл. Автор показал вечную борьбу добра и зла, старого и нового, а самое главное – силу духа народа. Егорушка ради спасения первенца готов преодолеть любые трудности. Рыбак не может понять и принять поступков Василида и Патфитана, персонажей рассказанной Агапием притчи. Гибель старого идеального мира, внутренний разлад неминуемо ведут к трагедии. Л.М. Леонов, размышляя о своем веке, стремился предупредить своих читателей о том, насколько губительны для человека и общества духовное оскудение и разрыв с природой. Василид, нарушив библейскую заповедь «не убий», «...до конца дней ходил нераскаянно по земле, сам себя отвергая от путей к небу» [4, с.71]. Авторский призыв «...не дай умереть душе» [4, с.73] актуален всегда. Философские размышления автора о человеке, его душе сливаются с народными представлениями.

Л.М. Леонов выразил веру в торжество жизни, опираясь на «...пантеистические идеи славянской мифологии о вечном переплаве жизни, ее торжестве над смертью» [8, с.163-164].

Л.М. Леонов отмечает еще одну черту русского человека – веру в Бога. Это ярко отражается в сказках. Там же появляется образ березы – символ жизни и любви. В сказке «Случай с Яковом Пигунком» березовая роща описывается как земной рай. «Деготь, получаемый при переработке березы, – всепроникающая жизненная сила, универсальная священная субстанция, истинная сущность которой открывается только чистому человеку» [7, с.196]. Яков и есть такой человек. В сказочной диалогии переплетаются «яркие языческие краски» и «христианские наслоения», а в сознании деда Егора («Бурыга») и Якова Пигунка «уживаются языческие и христианские представления, причём не просто уживаются, а находятся в гармоничном единстве» [3, с.24]. Яков убежден: «...каждая тварь должна себе пристанище на земле иметь...» [4, с.115]. А в «Бурыге» автор упоминает старца Сергия, который «...бога славил и всю земную тварь любил» [4, с.115]. Это и есть те нравственные законы, которыми человек должен руководствоваться в любой исторический период.

Представление о национально-акцентированных элементах мирообраза, как правило, связано с такими категориями, как образ пространства и образ персонажа. Это происходит потому, что всякая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть единство национальной природы, психики и мышления [2, с.12]. Понятие «природа» включает в себя особенности топографической структуры национального образа мира, поскольку именно в пространстве происходит первичное осознание человеком принадлежности к той или иной ментальной формации. Рассмотрим эволюцию концепции национального бытия в творчестве А.Н. Толстого 20-х годов, исследовав художественное пространство и образ главного героя рассказа «Голубые города».

Художественное пространство рассказа «Голубые города» служит характеристикой революционного времени и послереволюционной эпохи, позволяет оценить их как фрагмент всемирной истории и факт исторической судьбы русского народа. Художественное пространство объективно, поскольку основано на реальной связи пространственных характеристик и субъективно, ибо творимо автором. Еще критикой 1910-х годов была выявлена двойственная природа писательского дарования А.Н. Толстого: соединение в ходе освоения русской темы реалистического (почти натуралистического в отдельных рассказах) подхода к действительности и символично-метафорической доминанты в описании «святой и непорочной Земли» – России. Думается, в целом А.Н. Толстой остался верен себе, обращаясь к показу советской действительности в произведениях этого периода.

Пространственный образ – «голубые города» – присутствует уже в самом заглавии произведения. Советские литературоведы (Л. Поляк, В. Щербина) отмечали, что название

рассказа не случайно. «За ним закреплено устойчивое содержание» [5, с.285]. Оно символизирует мечту героя – будущее социализма. «Голубые города» – возможная будущая реальность, существующая в воображении главного героя. Весь рассказ строится на контрасте воображаемого пространства и конкретного исторического. Голубой цвет в названии исследуемого произведения не только характеризует главный строительный материал, но и символизирует небесную чистоту, высоту духа в помыслах Буженинова. Эти качества должны стать неперенными свойствами населения «голубых городов». Значит ли это, что у А.Н. Толстого только воображаемое пространство надделено духовным началом?

В «Голубых городах» представлено две разновидности городского пространства: реальное (столичная Москва и уездный городок) и воображаемое (голубые города). В столичном пространстве герой лелеет свою мечту и воплощает ее в конкретных архитектурных проектах, в уездном городишке мечте суждено погибнуть. Почему мечта о голубых городах, соприкоснувшись с реальностью, потерпела крах?

Рассказ начинается с указания на конкретное географическое пространство, место действия, где мы впервые знакомимся с главным героем – Василием Алексеевичем Бужениновым. «В стороне от станции Безенчук, Пугачевского ныне уезда. ...Кругом бурая степь, мокрые тучи над ней, вдали тусклая как трехсотлетняя тоска земли российской, щель просвета над краем степи» [6, с.450]. Эта историческая ассоциация помогает восприятию реального хронотопа. «Было это осенью 1919 года» [6, с.450].

Разгар гражданской войны в полной мере характеризуют конкретные приметы времени. Пространство «ветреной пустыни» наполнено следами «недавнего боя: несколькодохлых лошадей, опрокинутая телега, десяток человеческих трупов без шинелей и сапог» [6, с. 450]. И в этом мертвом в прямом и переносном смысле пространстве, когда нищета жизни порождает скудность духа и делает возможным раздевание и разувание усопших, чудом спасенная, еле теплится одна – единственная живая душа. И даже в болезненном бреде среди мертвой степи Буженинов бредит голубыми городами: «Видите – мост над полгородом, арка, пролет – три километра? Из воздуха? Нет, нет – это алюминий. И фонари по дуге на тончайших столбах, как иглы?» [6, с.450]. И реальное пространство, созданное повествователем, и воображаемое пространство персонажа содержат традиционно-русские архетипы - символы, выражающие собственно пространственное и пространственно-социальное содержание: степь, дорога, мост. Герой сидит, «привалившись» к телеграфному столбу, в «стороне от дороги». Эта незначительная подробность призвана подчеркнуть не только исключительность спасения героя, когда его случайно заметил командир уже проехавшего мимо головного отряда. Деталь эта метафорически указывает на реальное

нахождение Буженинова «в стороне от дороги», по которой движется основная масса революционного народа.

В рассказе пространство повествователя существует по законам мирового бытия, оно несравненно шире и всеобъемлюще, чем мир главного героя и уклад советской действительности. В реальном послевоенном времени Буженинов живет впроголодь, носит простреленную шинелишку, в которой его когда-то нашли в степях Пугачевского уезда, ночует в склепе на Донском кладбище и по-прежнему одержим мечтой о голубых городах. В воображаемом мире голубых городов должно состояться то, что принесло бы «новое ощущение свободы, силы и молодости» [6, с.453]. В проекте Буженинова обозначены насущные бытовые проблемы, решение которых приводит к осознанию важнейших вопросов человеческого бытия. В воображаемом пространстве все подчинено заботе о человеческом благе: уступчатые дома в двенадцать этажей, подземные камеры-очистители воздуха, электрические поезда под землей и т.д. Все эстетично, радует глаз и душу: «пышные сады Москвы-реки», роскошные ковры из цветов, огромные здания под стеклянными куполами. «В городе стояли только театры, цирки, залы зимнего спорта, обиходные магазины и клубы» [6, с.453]. В этом пространстве герой ведет и чувствует себя по-иному: исчезла необходимость борьбы за кусок хлеба, «границы между поселениями народов больше не существовало», нет вражды, вокруг царит гармония и благополучие. В этом мире, в пространстве, созданном фантазией автора: «жить стало большим счастьем и земля стала желанным местом жизни» [6, с.454]. Мысль художника охватывает космические масштабы и вселенские категории, в воображаемом пространстве он воплотил и свою мечту о гармоничном мире, который основан на любви и взаимопонимании.

В силу своей романтической устремленности и революционной решительности Буженинов лишен жизненной мудрости повествователя. А.Н. Толстой очерчивает художественное пространство, в котором герой способен обрести душевный покой. Проезжая мимо деревень и полустанков, Буженинов «глубоко, зажмурясь от острого наслаждения, вдохнул запах весенней земли и половодья» [6, с.456]. Герой глядит на разлив, полосу лесов вдали. «Оттуда в вечеряющем небе летели птицы. Мгла поднималась на широкой равнине над озером, над полузатопленными деревнями» [6, с.466]. Созерцание реального природного пространства успокаивает Буженинова, наводит на философские размышления. Но острота конкретных социальных проблем, окружающая обстановка подрывает физическое и нравственное здоровье героя, губят внутренние позывы к высокой духовной жизни и поэтому в соответствии с законами революционного времени ненавистный Буженинову уездный городок был сожжен. В основе столь страшного протеста героя – личные мотивы. «Как человек с повышенной чувствительностью, он видел в

окружающем лишь то, что страстно хотел увидеть» [6, с.450]. Он искренне надеялся на расположение и любовь Наденьки, словно не осознавая, что окружающая ее атмосфера мещанства диктует и нравственные запросы героини.

В раннем творчестве А.Н. Толстого героини исполняют миссию спасения души (через испытание) и выбирают уготованную от века женскую судьбу. В произведениях писателя советского периода женщина перестает быть таковой, ее изменили социальные катаклизмы. Героиня «Голубых городов» не претендует на роль спасительницы: «Какая уж там любовь! Встретишь человека случайно, посмотришь: если чем-нибудь может улучшить твоё положение - выбираешь его» [6, с.461]. Вот так просто, цинично Надя заявляет о своих жизненных принципах, отсутствие даже намека на какие-либо нравственные категории ее ничуть не смущает. Вместо того, чтобы облагородить и возвысить мужчин, женщина провоцирует конфликт между ними. Такова специфика реального пространства, в котором существует героиня. Но ослепленный первой любовью Буженинов не учитывает реальных условий, определяющих жизненные приоритеты возлюбленной.

Художественное пространство рассказа позволяет понять, что герой осознает социальную природу своей трагедии. В разговоре с боевым товарищем Хозяинцевым он констатирует суть трагедии: «войти в будни, раствориться в них не могу, а быть личностью, торчать одиноко тоже не могу» [8, с.468]. А.Н. Толстой раскрывает таким образом главный конфликт данной исторической эпохи: реальная советская действительность отнимает у человека возможность, право быть личностью. В то же время в рассказе «Голубые города» А.Н. Толстой создает героя в лучших традициях русской классики. Буженинов – «чудак, беспочвенный фантаст, иступленный мечтатель, находящийся на грани безумия». Главный герой произведения демонстрирует, пожалуй, главную черту русского национального характера – отсутствие меры, это толкает героя к великому духу (голубые города) и великому греху (убийство, сожжение уездного городка). В образе Буженинова А.Н. Толстой примиряет две крайности: ангельское и звериное, «упоение святостью» и «упоение грехом». Герой жаждет осуществления мечты, которая, несмотря на очевидную несбыточность, все же стабилизирует само представление о смысле жизни. Контрастное изображение реального и воображаемого пространства подчеркивает отсутствие высоких духовных идеалов, государственной заботы о человеке в советской действительности. Нравственные, творческие проявления личности неминуемо обрекают ее на трагедию.

Таким образом, в постижении исторических судеб России, особенностей национальной жизни А.Н. Толстой и Л.М. Леонов двигались от реалистической конкретики к символической и философской обобщенности, актуализируя те нравственные законы, которыми человек должен руководствоваться в любой исторический период. Реальность

становилась только основой для постановки сложных и важных вопросов: аксиологической проблематики, онтологических векторов бытия человека.

Список литературы

1. Воронцова Г.А. А.Н. Толстой в жизни и творчестве. – М: Русское слово, 2010. – 112 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
3. Зорина А.О. Поэтика рассказов Леонида Леонова 1920-х годов: дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – Киров, 2015. – 146 с. – URL: <http://ds.vgggu.ru/wp-content/uploads/2015/02/zorina-ao-dissertacija-poetika-rannih-rasskazov-leonova-.pdf> (дата обращения: 01.04.2015).
4. Леонов Л. Повести и рассказы. Собр. соч.: В 10-ти т. – Т.1. – М.: Художественная литература, 1981. – 502 с.
5. Поляк Л.М. Алексей Толстой-художник. – М.: Наука, 1964. – 462 с.
6. Толстой А.Н. Голубые города // Избранное: в 2-х т. – Т. 2. . – М: Художественная литература, 1979.– 449 с.
7. Туева А.О.Разновидности хронотопа в рассказах Л.М. Леонова 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №10 (40): В 3-х ч. – Ч.1. – С. 195-200.
8. Чеботарева В.Г. К проблеме мифотворчества в русской советской прозе двадцатых годов // Русский фольклор. – Т. XXI. – Л.: АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом), 1981. – С. 155-178.

Рецензенты:

Абдуллина А.Ш., д.фил. н., доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии БФ БашГУ, г. Бирск;

Хасанов Р.Ф., д.фил.н., доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии БФ БашГУ, г. Бирск.